

«Пандекты» Никона Черногорца в традиции древнейших славянских переводов с греческого

В последние годы «Пандекты» Никона Черногорца (далее — ПНЧ) в древнейшем славянском переводе XII в. стали предметом интенсивных лингвистических разысканий и дискуссий. В самом деле, этот огромный по объему памятник поднимает множество вопросов историко-языкового и культурно-исторического характера, содержит противоречивый языковой материал, однозначная интерпретация которого затруднительна, а порой и невозможна вследствие плохой изученности основного корпуса древнерусских переводов с греческого. Еще в 1893 г. А. И. Соболевский предположил, что древнерусское (домонгольское) происхождение имеют более тридцати древних переводных памятников.¹ За истекший век лингво-текстологическому изучению подверглись двенадцать из них: «Александрия»,² Хроника Георгия Амартола,³

¹ Соболевский А. И. 1) Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды Девятого археологического съезда в Вильне 1893. М., 1897. Т. 2. С. 53—61 (переизд.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 162—177 (= СОРЯС. Т. 88. № 3)); 2) История русского литературного языка. Л., 1980. С. 134—147.

² Истрин В. М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст // ЧОИДР. 1894. Кн. 1. Отд. III; Кн. 2. Отд. II (отд. изд.: М., 1893); Копыленко М. М. Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы: (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Александрии») // ВВ. 1959. Т. 16. С. 82—91; Чернышева М. И. К проблеме возникновения и развития синтаксической синонимии в раннеславянских переводах с греческого языка // FOLIA SLAVISTICA Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 146—152.

³ Истрин В. М. Книгы временигы и вбразньга Георггия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920; Т. 2: Греческий текст «Продолжения Амартола»; Исследование. Пг., 1922; Т. 3: Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930 (репринт: München, 1972); Лавров П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина // Slavia. Roč. 4, N 3. 1925. S. 461—484; 1926. N 4. S. 657—683; Копыленко М. М. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода «Хроники Георгия Амартола» // ВВ. 1957. Т. 12. С. 232—241; Dostál A. Slovanský překlad byzantské kroniky Georgija Namartola // Slavia. Roč. 32. 1963. S. 375—384; Меуцерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978; Франклин С. К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык // ТОДРЛ. 1988. Т. 41. С. 324—330; Водозакин Е. Особенности текстологии ранних славянских переводов: (На материале Хроники Георгия Амартола) // Хиляда и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 242—249; Станков Р. 1) Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина // Palaeobulgarica. 1994. Кн. 1. С. 74—88; 2) Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Slavia Orthodoxa. Език и култура: Сб. в чест на проф. д-р Румяна Павлова. София, 2003. С. 380—389; 3) К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска

«Повесть о Варлааме и Иоасафе»,⁴ «Иудейская война» Иосифа Флавия,⁵ Житие Андрея Юродивого,⁶ Житие Василия Нового,⁷ «Пчела»,⁸ «Девгениево деяние»,⁹ Песнь песней с толкованиями Филона Карпафийского,¹⁰ Студийско-Алексиевский устав,¹¹ «Христианская топография» Козьмы Индикоплова¹² и ПНЧ.¹³ Конечно, определенные выводы общего характера можно делать и на

книжовна школа. София, 2004. Т. 7. С. 57—72; Пичхадзе А. А. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2001). М., 2002. С. 232—249; Матвеев В., Щеголева Л. Временник Георгия Монаха: (Хроника Георгия Амартола) / Рус. текст, коммент., указатели. М., 2000.

⁴ «Повесть о Варлааме и Иоасафе» не представлена в списке А. И. Соболевского, однако новейшие разыскания позволяют отнести данный памятник к переводам, сделанным на Руси носителем болгарского книжного языка; ср.: Пичхадзе А. А. Несколько редких древнеболгарских слов в древнейшем переводе «Повести о Варлааме и Иоасафе» // FOLIA SLAVISTICA Pале Михайловне Цейплин. С. 104—109; см. также: Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подгот. текста, исследов., коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985.

⁵ Höcherl A. Zur Übersetzungstechnik des altrussischen «Jüdischen Krieges» des Josephus Flavius. München, 1970; Мецкерский Н. А. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958; Копыленко М. М. О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: (Глагольно-именные фразеологизмы) // ВВ. 1961. Т. 20. С. 164—183; Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., Уткин А. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. М., 2004. Т. 1—2.

⁶ Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000; Станков Р. Время и место древнейших славянских переводов. София, 2002.

⁷ Истрин В. М. Где было переведено Житие Василия Нового? // ИОРЯС. 1917. Т. 22. Кн. 2. С. 320—325; Михайлычева Т. В. Лексические данные Жития Василия Нового: (К проблеме локализации древнеславянского перевода) / МГУ им. М. В. Ломоносова // Тр. молодых ученых. Лингвистика. М., 1998. С. 129—154; Пентковская Т. В. Древнейший славянский перевод Жития Василия Нового и его греческий оригинал // ВВ. 2004. Т. 63(88). С. 114—128.

⁸ Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М., 1904; Marti R. Studien zur Sprache der russischen Pčela. Die finiten Verbalformen. Bern, 1981; Максимович К. А. Образ идеального правителя в древнерусской «Пчеле» и политическая мысль Византии // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 7. Март. С. 28—42.

⁹ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек). М., 1962. С. 59—111; Максимович К. А. ЗАКОНЪ СОУДЪНЫИ ЛЮДЬМЪ: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 62, 67—68.

¹⁰ Алексеев А. А. Песнь Песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002. С. 40—122.

¹¹ Menges K. Die Sprache der altslavischen Übersetzung des Stoudios-Typikon: Handschrift der Moskauer Synodalbibliothek. N 330(380). Frankfurt a./M., 1935; Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

¹² Срезневский И. И. «Христианская топография» Козьмы Индикоплова: Срезневский И. Сведения и заметки. XI // СОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. С. 1—19; Jacobs A. Kosmas Indikopleustes, Die Christliche Topographie in slavischer Übersetzung // Byzantinoslavica. 1979. Т. 40(2). С. 183—198.

¹³ Павлова Р. «Пандекты» Никона Черногорца в славянской письменности // Славянска филология: Езикознание. София, 1988. Т. 19. С. 99—116; Максимович К. А. 1) Новонайденная сокращенная переработка «Пандектов» Никона Черногорца в списке XVI в. // Byzantinorussica. М., 1994. Т. 1. С. 136—147; 2) Каноны Трулльского собора в древнейшем славянском переводе Пандектов Никона Черногорца: Проблемы терминологии // ВВ. 1996. Т. 56(81). С. 170—175; 3) «Пандекты» Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века: (Юридические тексты). М., 1998; 4) К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода «Пандектов» Никона Черногорца // XII Междунар. конгресс славистов. Краков, 1998 г.: Докл. российской делегации. М., 1998. С. 398—412; 5) Текстологические и языковые критерии локализации древнеславянских переводов: (В связи с новым изданием «Пандектов» Никона Черногорца) // Русский язык в научном освещении. 2001. Т. 2. С. 191—224; 6) Восточнославянские переводы с греческого: Итоги и перспективы изучения // Русистика на пороге

основе этих памятников, однако бесспорно, что наши представления о месте каждого из них в славянской книжной традиции еще далеки от полноты.

Древнерусские переводы с греческого демонстрируют следующую интересную особенность — они очень редко дублируют более ранние болгарские образцы. Как правило, отыскать переводы тех же самых или подобных памятников в болгаро-преславской традиции трудно или вообще невозможно. В самом деле, древнерусская «Хроника» Амартола стоит на первый взгляд в одном жанровом ряду с преславским переводом «Хронографии» Иоанна Малалы, однако она очевидно сильно отличается от забавных побасенок ритора Малалы подчеркнутой тенденцией к описанию прежде всего церковной истории, а также благочестивым пафосом повествования. Древнерусские «Пандекты» Никона лишь по видимости ориентируются на болгаро-преславский «Пандект боговдохновенного Писания» монаха Антиоха.¹⁴ «Пандект» Антиоха (и соответственно его болгарский перевод) представляет собой сборник кратких цитат из учительных книг Библии и отцов Церкви, тогда как труд Никона включает самый разнообразный материал, в том числе обширные эксерпты из церковной экзегетики, житийной литературы, церковно-канонического и светского права. И если житиям Василия Нового и Андрея Юродивого еще можно подыскать отдаленные болгарские аналоги — например Житие Алексия человека Божия или Житие Нифонта, — то уже древнерусская «Пчела», «Иудейская война» Флавия, «Александрия», Повесть о Варлааме и Иоасафе, «Девгениево деяние» и тем более Студийско-Алексиевский устав вообще не имеют аналогов в древнейшей болгарской книжности. Таким образом, можно сделать первый предварительный вывод — *древнерусские переводы были призваны восполнить пробелы в болгарской книжной традиции;*¹⁵ *соответственно восточнославянские книжники переводили те византийские памятники, которые не имели близких аналогов в переводной болгарской книжности.*

В ряду древнерусских переводов ПНЧ занимают во многом уникальное место. Прежде всего, оригинален жанр данного памятника. Обычно его определяют как аскетический флорилегий, однако монументальный объем этого флорилегия позволяет охарактеризовать его как своеобразную энциклопедию для монашества, составленную из всех жанров церковной литературы Византии. Энциклопедические сборники создавались и в Болгарии — хрестоматийный пример представляет собой «Изборник» царя Симеона. Однако энциклопедии, предназначенные специально для монашества, в Болгарии IX—X вв. неизвестны.

Можно задаться вопросом, как получилось, что именно восточные славяне, а не болгары впервые перевели ПНЧ? Ответ, впрочем, лежит на по-

XXI века: Проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8—10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 276—280; 7) Заметки к дискуссии о древнерусских переводах с греческого // РЛ. 2004. № 1. С. 57—73; Богданова С. 1) Об издании текстов из «Пандектов» Никона Черногорца и проблемах исследования этой средневековой книги // Palaeobulgarica. 2001. Т. 25. № 2. С. 98—107; 2) Към изследването на лексиката на «Пандектите» на Никон Черногорец в първия им славянски превод // Преславска книжовна школа. София, 2002. Т. 6. С. 131—142.

¹⁴ Подробнее см.: Максимович К. А. «Пандекты» Никона Черногорца в болгарском переводе XIV века: Рукописная традиция и проблемы издания // Преводите през XIV столетие на Балканиите: Докл. от междунар. конф. (София, 26—28 юни 2003). София, 2004. С. 329—358 (330—331).

¹⁵ «Эта переводная собственно-русская литература дополняла собой юго-славянскую» (Сперанский М. Н. История древней русской литературы. 3-е изд. М., 1920. С. 280).

верхности — в начале XII в., когда после смерти Никона Черногорца начинается активное распространение его трудов в Византии и среди православных славян, Болгария находится под властью Византии, славянская книжная культура и богослужение на славянском языке искореняются, монашество пребывает в упадке, церковный культ отправляется на греческом языке. Русская Церковь в это время, наоборот, активно строит монастыри и нуждается в соответствующей аскетической литературе. Именно эта церковно-политическая обстановка XII в. и сделала возможным перевод ПНЧ именно в среде восточных, а не южных славян.¹⁶ В период Второго Болгарского царства, в XIII—XIV вв. церковная книжность и монастырская культура в Болгарии переживают новый расцвет. В это время Русь лежит в развалинах после монгольского нашествия, и переводческая деятельность здесь полностью прекращается. В Болгарии, наоборот, византийская книжность активно переводится на славянский язык, и таким образом создаются условия для нового, более полного перевода ПНЧ, который и возникает предположительно в первой половине XIV в.¹⁷

Место первой славянской версии ПНЧ в традиции древнейших переводов определяется прежде всего на основании переводческой техники памятника. Напомним, что древнейшие переводы с точки зрения их техники условно разделяются на три типа.

1. Переводы Константина и Мефодия и их ближайших учеников (Охридская школа, частично Иоанн Экзарх и Константин Преславский) характеризуются предпочтением смыслового перевода и рядом специфических заимствований-грецизмов. Иными словами, данные переводы сделаны с соблюдением принципа ясности, поэтому как в области синтаксиса, так и в области лексики они почти свободны от греческого влияния.¹⁸

2. Переводы Преславской школы и так называемые постпреславские: вопреки распространенному в Болгарии мнению, что данная школа «развивает» кирилло-мефодиевские традиции, преславская техника перевода в большей части памятников противоположна кирилло-мефодиевской — здесь лексические грецизмы, как правило, отсутствуют, зато обильно используется структурное калькирование лексем по греческим образцам; синтаксис также сильно грецизирован.¹⁹

Характерной чертой (пост)преславских переводов является пословность, при которой количество лексем в синтагме перевода примерно рав-

¹⁶ Подробнее см.: Максимович К. А. К проблеме происхождения... С. 404—406.

¹⁷ Максимович К. А. «Пандекты» Никона Черногорца в болгарском переводе XIV века. С. 338, 347—349.

¹⁸ О принципе ясности в древнейших славянских переводах см.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. С. 24; Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. М., 1997; Максимович К. А. 1) К оценке вклада Кирилла и Мефодия в создание общеславянского книжно-письменного языка // *Palaeoslavica*. 2001. Vol. 9. С. 222—239 (232, 236—238) (с литературой); 2) *Lexicon Cyrillomethodianum*: К обоснованию проекта // Славянское языкознание: Материалы конф. (Москва, июнь 2002 г.): К XIII Междунар. съезду славистов. М., 2003. С. 185—199 (194—195); 3) **ЗАКОНЪ ГОУДЪНЪИ ЛЮДЪМЪ**. С. 53, 86, 127.

¹⁹ Максимович К. А. 1) К оценке вклада Кирилла и Мефодия... С. 227, 234—235 (с литературой); 2) Службная майская минея как памятник древнеболгарского книжного языка: (К новейшему изданию Путьяниной минеи XI века) // Славяноведение. 2003. № 6. С. 62—70 (67—68).

но синтагме оригинала. Другая черта этой традиции — буквализм, приводящий, с одной стороны, к созданию искусственных калькирующих конструкций, а с другой — к семантическому примитивизму, когда лексема переводится не по контекстному значению, а по наиболее распространенному. Однако преславские переводы по качеству весьма неоднородны — они включают в себя как бесспорно удачные опыты (большая часть Изборника 1073 г., Слова Афанасия Александрийского на ариан, Златоустрий, жития святых в составе Успенского сборника и февральской четьей минеи, переводы Иоанна Экзарха), так и менее удачные (Синтагма XIV титулов без толкований — Ефремовская кормчая, славянская «Эклога», трактат Георгия Хировоска «О тропах» в составе Изборника Симеона,²⁰ Житие Феодора Студита и мн. др.).

3. Древнерусские переводы занимают промежуточное положение между кирилло-мефодиевскими и преславскими. Переводы этой группы характеризуются относительной свободой и тенденцией к передаче прежде всего смысла оригинала и лишь во вторую очередь его формально-синтаксических особенностей. Сюда можно отнести такие тексты, как «Пчела», Житие Андрея Юродивого и, вероятно, «Девгениево деяние» и «Иудейскую войну», ближайшие оригиналы которых неизвестны. С другой стороны, перевод Хроники Амартола сделан на Руси, по-видимому болгаринном, хорошо знакомым с преславской традицией перевода, — поэтому древнерусский Амартол сильно отличается от «Пчелы» и других текстов ее группы обилием структурных и синтаксических калек с греческого.

Несложно видеть, что данная типология переводов может рассматриваться и хронологически — так, Д. М. Буланин предложил разделить историю славянских переводов на три периода: моравский, болгарский и киевский.²¹ Однако типологическая и хронологическая классификации древнейших переводов не совпадают полностью: так, западноболгарские «охридские» переводы гораздо ближе стоят к моравским кирилло-мефодиевским, чем к восточноболгарским («преславским»), а в группе киевских переводов выделяются тексты, будто вышедшие из «преславской» традиции, — например, Хроника Георгия Амартола избилует кальками «преславского» типа и явно выделяется из массы древнерусских переводов своим буквализмом и неудобопонятностью. Еще сильнее представлен буквализм в древнерусских переводах Огласительных поучений Феодора Студита и толкований Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова (если это в самом деле древнерусские переводы). Таким образом, типология древнейших переводов не совпадает с их хронологией — группировка текстов различного происхождения может быть произведена по признаку качества переводов.²²

²⁰ Максимович К. А. «О тропах», или «Об оборотах речи»: Трактат Георгия Хировоска в Изборнике 1073 г.: (Пер. и коммент.) // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991. С. 112—129.

²¹ Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII в. Т. 1: Проза / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. С. 17—73 (39—41).

²² См. интересные (хотя и отрывочные) наблюдения в работе: Чернышева М. И. Некоторые соображения по поводу группировки раннеславянских переводов с греческого языка по переводческим приемам // Byzantinorussica. 1994. Т. 1. С. 62—75.

Лексическое калькирование в ПНЧ

Проиллюстрируем на ряде примеров отношение переводчика ПНЧ к калькированию терминов:²³

αἰσχροκέρδεια ‘неправедный доход’ — лихоимство (329.3), сквръньнзын довьгъгъкъ (281.8), сквръньно приобрътение (268.1; 288.5; 374.2) и кальки: сквръньнообрътение (288.5), сквръньнопръвобрътание (298.3), сквръньноприобрътение (298.3; 312.1);

ἀκοινώνητος ‘отлученный от Причастия’ — безъ общениа (371.12), бес комзканиа (26.6; 75.4; 210.5), не приобъщатица (371.2), отълучензии причащениа (372.7) и кальки: неприобъщензии (435.9), непричастънзын (449.2; 449.6; 461.7);

αὐτοφονευτής ‘самоубийца’ — самъ оубинца себѣ (353.3) и калька: самооубинць (351.2; 453.2);

ἐπιστάτων ‘начальствующий’ — надъстоа (53.1) (собственно, в тексте стоит игоуменъ и надъстоа, однако в Мазуринском списке XIV в., хорошо сохраняющем первоначальный текст ПНЧ, термин игоуменъ отсутствует, что позволяет рассматривать его как позднейшую глоссу к неудобопонятному надъстоа);

ἱεροσυλία ‘кража церковной утвари’ — свщценокрадение (316.10) (ср. свщценокраденикъ в Ефремовской кормчей);²⁴

λαθρογαμία ‘тайный брак’ — таинобръчство (455.6);

πολυγαμία ‘многобрачие, несколько (последовательных) браков’ — мзногоженение (458.6);

προσγυγός ‘сводник’ — прѣдъзвожда (150.4);

προΐσταμαι ‘начальствовать, управлять’ — владѣти (213.8), прѣдъдръжати (10.9), прѣдъдръжати (при-) (10.9; 106.1), строити (вар. стоати — 28.5) и калька: прѣдъстоати;

πρόεδρος ‘глава, начальник’ — прѣвостольникъ (93.7), прѣстолъ (42.9), прѣвостольнзын (465.4), сѣдѣи на столѣ (275.8) и калька: прѣдъпрѣвостольникъ (464.4);

προεστώς ‘глава, игумен’ — игоуменъ (21.6) и калька: прѣдъстатель (вар. прѣстатель) (22.8; 55.5; 292.3; 312.8);

σκευοφύλαξ ‘хранитель церковной утвари, ризничий’ — соудохранитель (вар. съсоудохранитель) (219.7), съсоудохранильникъ (468.10);

συνεργός ‘соучастник’ — съдѣльникъ (35.4);

συνοικέσιον ‘(внебрачное) сожительство’ — съвзкоупление (152.2; 155.4; 178.2) и калька: сожитие (158.4);

τυμβωρυχία — гробокопание (316.10);²⁵

χειροθεσία ‘возложение рук’ — роцколожение (вар. роцкоположение) (175.7).

Особенно любопытны лексические варианты, которые проливают свет на происхождение древнейшего перевода ПНЧ. Так, греческому ἱεροθετέομαι

²³ Здесь и далее ссылки даются на издание: *Максимович К. А.* «Пандекты» Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века.

²⁴ Срезневский. Материалы. Т. 3. С. 313—314.

²⁵ Гапакс ПНЧ, не отмечен в словарях: *Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae*, *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)*, *Словарь русского языка XI—XVII вв.*; Срезневский. Материалы. Т. 1; *Miklosich F. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865.*

‘исполнять обязанности священнослужителя’ соответствует почти во всех известных списках ПНЧ термин *чистительствовати* (167.3), представляющий собой производное от *чиститель* ‘священник’. Последний в свою очередь является ярким югославянизмом и характерен для восточноболгарской переводной книжности.²⁶ Казалось бы, это должно свидетельствовать о болгарском происхождении древнейшего перевода ПНЧ. Однако в уже упомянутом Мазуринском списке находим вариант *священположити*, буквально воспроизводящий структуру греч. *ιεροθετεύομαι*. Легко догадаться, что именно это чтение было исконным и принадлежало первоначальному тексту перевода, тем более что ни слово *чиститель*, ни его производные в ПНЧ больше нигде не встречаются. Данный пример показывает, что структурные кальки «преславского» типа играют важную роль в текстологической работе по установлению архетипа перевода.

Влияние преславской традиции на ПНЧ можно усматривать в переводе греческих сложений с приставкой *про-* славянскими префиксальными терминами с *произ-*: ср. *προάγομαι* — *произвестися* (174.2) (варианты *варити*, *поставити*, *принимати*, *съвести*), *προβάλλω* — *произвести* (322.11) (вариант *приводити*). Отмеченные в ПНЧ сложения с *произ-* не находят параллелей в древнейших (моравских) юридических переводах, зато широко представлены в преславском переводе «Синтагмы XIV титулов» (Ефремовская кормчая). Отклонение от кирилло-мефодиевских традиций в пользу преславских демонстрирует также перевод важнейшего для церковно-канонической книжности термина *χειροτονέω* ‘поставлять в священный сан’ — если в «Номоканоне Мефодия» регулярным эквивалентом служит *сватити/сващати*,²⁷ то в Ефремовской кормчей и ПНЧ предпочтение отдается терминам *поставити/поставляти*, фактически калькирующим греч. *καθιστάω*, *καθίστημι*.²⁸ С другой стороны, слав. *ручкоположение* служит и в ПНЧ, и в Ефремовской кормчей единственным эквивалентом для греч. *χειροθεσία* ‘возложение рук при посвящении низших клириков’.²⁹ Благодаря терминологической оппозиции *поставление* — *ручкоположение* устранялась путаница при описании *поставления* в священный сан в отличие от *поставления*, не связанного со священством. Таким образом, юридические термины древнерусских ПНЧ демонстрируют общность переводческой техники и некоторые системные сходства с преславским по происхождению переводом «Синтагмы XIV титулов» (Ефремовская кормчая).

В некоторых случаях при анализе техники перевода ПНЧ нельзя говорить о кальках — скорее, речь может идти о псевдокальках, в которых греческий оригинал копируется лишь отчасти. Ср.: *ἐγχειρίζω* ‘поручить

²⁶ *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. С. 121—122; *Vašica J.* Collectio 87(93) capitulorum dans les nomocanons slaves // *Byzantinoslavica*. 1959. Т. 20, 1. Р. 1—8 (5).

²⁷ *Vašica J.* Nomokanon // *Magnae Moraviae Fontes Historici*. Brno, 1971. N 4. S. 246.19; 247.18; 247.25; 249.1; 249.9; 249.11; 249.17; 251.15; 253.18; 253.22; 254.19; 257.14; *265.18; 266.4; 324.1.

²⁸ *Максимович К. А.* «Пандекты» Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. С. 43.9; 105.6; 165.5; 276.2; 281.6; 282.2; 282.7; 283.2; 284.2; 320.4; 428.3; *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906—1907. Т. 1, вып. 1—3. С. 43.6; 84.28; 156.3; 170.24; 196.3; 217.24; 257.8; 270.3; 289.13 и др. (репринт: Leipzig, 1974).

²⁹ *Максимович К. А.* «Пандекты» Никона Черногорца в древнерусском переводе XII в. С. 175.7; *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая... С. 93.9; 119.23.

какое-л. дело', буквально 'дать в руки' — поручити (149.9) (варианты перевода — повелѣти (85.7), взчинити (320.7; 320¹.9)). Данный случай нельзя рассматривать как словообразовательную кальку с греческого, поскольку, с одной стороны, имперфектив поручати (правда, в несколько ином значении — 'отдавать на попечение кого-л., верить чьим-л. заботам') зафиксирован уже в древнейших восточнославянских памятниках (Лаврентьевская летопись, грамоты),³⁰ а с другой стороны, в качестве соответствия термину поручити в переводных текстах практически не встречается ожидаемый в греческом оригинале термин *ἐγγχειρίζω, но ἐάω, παρατίθεμαι, δίδωμι, ἐγγυάω, ἐμπιστεύω и др.³¹ Это свидетельствует об укорененности данной лексемы в собственно славянской языковой системе — следовательно, употребление термина поручити допустимо интерпретировать не как феномен перевода, а как факт древнерусской языковой нормы. В ПНЧ глаголы взрочити, поручити используются также для передачи греч. πιστεύω 'верить, доверять', ἐμπιστεύω 'верить' (366.8; 406.5), где при буквальном следовании оригиналу ожидалось бы эквиваленты *взвѣрити, *довѣрити.

Другим примером псевдокальки может служить перевод в ПНЧ греч. σκληραγωγία 'строгий режим в период покаяния, епитимья' как соухотадение. Славянский термин воспроизводит двучленный характер греческого композита, а также его точный смысл — вместе с тем здесь нет и речи о дословном переводе частей композита. В качестве примера точной кальки можно привести перевод указанного греческого термина в Ефремовской кормчей — жестокопрѣзвѣвание.³²

Наконец, передача греч. προκοπή 'продвижение по службе' как поспѣхъ (81.2), поспѣшити (353.4), прѣдзспѣнии (вар. приспѣнии, прѣдзспѣвании) (171.2; 171.4) представляет собой псевдокальку, поскольку отсутствует однозначное семантическое соответствие второй части композита в оригинале и в переводе.

Отношение переводчика к заимствованиям из греческого

Заимствования из греческого в ПНЧ довольно многочисленны — сюда относятся традиционные грецизмы, обозначающие степени церковной иерархии (епископъ, пресвитеръ, диаконъ, игуменъ — проεστώς (о главе монастыря) (21.6 и т. п.)), церковные наказания (анафема, епитимия), правила (канонъ) и сборники правил (номоканонъ) и реалии монашеского быта. В этом отношении перевод ПНЧ стоит гораздо ближе к мифодиевским юридическим переводам, нежели к «преславской традиции», в которой лексические грецизмы представлены слабее (так, кирилло-мифодиевскому грецизму канонъ в Ефремовской кормчей — ярком представителе преславской традиции — соответствует славянский эквивалент правило, грецизму епитимия — запрѣщение, грецизму анафема — проклатиѣ и т. п.).

³⁰ Ср.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Т. 17. С. 139, 141.

³¹ Срезневский. Материалы. Т. 2. С. 1219—1220; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2004. Т. 7. С. 229—230; Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 17. С. 139.

³² Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая... С. 173.28; 182.2.

Иноязычные вкрапления в ПНЧ

В исторической лексикологии иноязычными (неадаптированными) вкраплениями принято называть словоформы оригинала, которые остались без перевода и лишь подверглись транслитерации буквами славянского алфавита. Так, эквивалентом греческой формы вин. пад. мн. ч. συνομοσίαις ‘заговоры’ в ПНЧ служит неадаптированная форма сьномоснасъ. В древнейшей рукописи ПНЧ (а также в некоторых других) этот термин искажен переписчиками (Монси, сина), и лишь в наиболее надежных списках (в том числе в Мазуринском) иноязычное вкрапление воспроизводится в исходной форме: сьномоснасъ (вар. сьномъснасъ) (179.3). Греческий синонимичный термин φατρία в форме вин. пад. мн. ч. τὰς φατρίαις также передан лишь в минимально адаптированном виде: тасъ фатрисъ (184.7). Точно так же множественное число причастия настоящего времени φατριάζοντες ‘составляющие заговор’ представлено в переводе вкраплением фатриазонтесь (с вариантами по рукописям фатриазонтъть съде, фатриазонтесь, фатроазнтесь, фатриозонтесь) (184.5). Подобный пример передачи греч. βυρσεῖς ‘кожевники’ имеется также в ПНЧ по списку XIV в. ГИМ, Чуд. 16 (л. 146 об.—147): В семь манастъри примше тѣхъ оуставъ, идеже Пахомии пребъваше, възша числа рад, <и> мѣста и братъи множьства ремества различна: швецъ .еі. кузнецъ .ѣ. дръводъля .д. скифисъ .еі. скютюми .еі. вюрисъ .к. Ср. греческий оригинал по списку Paris. Coisl. gr. 122 (XIV в.): ...ρόπται 15, χαλκείς 7, τέκτονες 4, κναφεῖς 15, σκυτοτόμοι 15, βυρσεῖς 20... (f. 265v).

В научной литературе не раз обращалось внимание на присутствие в славянских переводах неадаптированных вкраплений.³³ Однако функции вкраплений до сих пор не выяснены. Попытки увидеть в таких образованиях осознанные, более того, удачные приемы перевода не очень убедительны; кроме того, приводимый в литературе материал слишком ограничен. Нам представляется, что анализ иноязычных вкраплений следует проводить дифференцированно по отдельным памятникам, поскольку в каждом из них могла отразиться индивидуальная переводческая манера. Лишь накопив большой фактический материал, можно делать выводы о функциях этого приема в славянских переводных текстах.

Что касается ПНЧ, то здесь, по нашему мнению, феномен иноязычных вкраплений сходен с известным из палеографии пропуском заглавных букв с целью их последующего наведения киноварью. Если писец забывает это сделать, то в тексте рукописи остаются пробелы. Возможно, типологически сходное явление представляют собой и вкрапления — переводчик, будучи не в состоянии перевести то или иное греческое слово, пишет его славянскими буквами, сохраняя грамматическую форму, чтобы потом еще раз обдумать возможный перевод самому или справиться у знатоков. Если по каким-либо причинам он этого не делает, неадаптированные греческие формы остаются в тексте. В пользу данного предположения говорит, между прочим, то, что иноязычные вкрапления, как правило, используются для передачи особо трудных и экзотичных греческих терминов.³⁴

³³ Ср. *Чернышева М. И.* К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы: (Роль иноязычных вкраплений) // ВВ. 1983. Т. 44. С. 221—226 (с литературой).

³⁴ Ср. в «Иудейской войне» Флавия: **И едини <ж>е ми адоксите стражемъ. имже покараше всаческаа** — μόνοι δ' ἑμεῖς ἀδοξεῖτε δουλεύειν οἷς ὑποτάκται τὰ πάντα ('и только

Приведенные примеры иноязычных вкраплений в ПНЧ, а также полное отсутствие подобных феноменов в кирилло-мефодиевской книжности заставляют предполагать их появление в древнерусском переводе ПНЧ под влиянием болгаро-преславской книжной традиции (ср. Синайский патерик, Изборник 1073 г., «Хронографию» Малалы).

Кирилло-мефодиевские традиции описательного перевода в ПНЧ

В ПНЧ встретились также переводческие решения, восходящие к более древним, чем преславская, традициям перевода — охридской и кирилло-мефодиевской. Так, в случае передачи греч. ἀρχιεπίτην ‘главный пастырь, архиерей’ посредством слав. начальникъ пастыремъ (290.2; 375.7) мы имеем дело не с калькой, а с описательным переводом.³⁵ Совершенно идентичный эквивалент для передачи ἀρχιεπίτην представлен в Слепенском апостоле XII в. — начальникъ пастыромъ (1 Петр. V.4). Описательный перевод находим также в памятниках древнейшей (моравской) эпохи — ср. в «Законе судном людям» перевод греческого композита ἀδιάζευκτων ‘нерасторжимый союз (брака)’ описательным оборотом съврсть неразлучна или перевод в «Номоканоне Мефодия» греч. διγαμέω ‘вступать в повторный брак’ как женитиса въторю; женитиса въторю женою.³⁶

Аналогичным образом переводятся в ПНЧ и некоторые другие греческие термины (не только композиты): ἐπαρχία ‘провинция’ — власть взышьнага (141.3 — см. ниже); πολιτάρχης ‘член городского самоуправления’ — градънзи старъшина (269.1—2), οἰκοδεσπότης ‘хозяин дома, семья’ — домовънзи владъика (257.2); δῆμιος ‘палач’ — мочъчи на соудници (1.8); συνείσακτος ‘женщина-служанка’ — раба слоужащи (30.4 — см. ниже). Эти факты позволяют предполагать следование в ПНЧ еще допреславской (т. е. кирилло-мефодиевской) славянской традиции.

Кирилло-мефодиевские традиции адаптирующего перевода

Нередко специфические греческие термины подверглись при переводе переосмыслению — в этих случаях мы имеем дело с адаптирующим переводом, при котором семы, не актуальные для переводящего языка, заменяются актуальными.³⁷

Примеры: ἐπαρχος τῶν πραιτωρίων ‘префект претория’ — соудни и мечьници (141.4); ἑκδικος ‘церковный юрист, адвокат по делам Церкви’ — посадьникъ (вар. XIV—XV вв. властель) (141.3). В славянской традиции термин ἑκδικος обычно переводится как едикъ («Номоканон Мефодия»), мьститель,

ко вы полагаете бесславнымъ быть рабами у тех, кому подчиняется вся <вселенная>») (Пичхадзе А. А. и др. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. С. 184).

³⁵ О феномене описательного перевода в древнейшей книжной традиции см.: Максимо-вич К. А. ЗАКОНЪ СОУДЪНЪИ ЛЮДЪМЪ. С. 41—43.

³⁶ Vašica J. Zakonъ sudnyi ljudьmъ — Soudni zákonikъ pro lid // Magnae Moraviae Fontes Historici. Brno, 1971. N 4. S. 195.12; S. 259.16; 303.9; 342.15.

³⁷ О случаях адаптирующего перевода в кирилло-мефодиевской традиции см.: Максимо-вич К. А. ЗАКОНЪ СОУДЪНЪИ ЛЮДЪМЪ. С. 40.

мьстьникъ³⁸ — в сербском Хиландарском списке древнейшего перевода ПНЧ находим в этом месте вторичный грецизм прахторъ. Данный термин был, вероятно, помещен в сербский текст ПНЧ при переписке восточнославянского протографа вследствие неясности для сербского писца русизма посадьникъ, поскольку при допущении первичности сербского текста ожидался бы грецизм едникъ, но никак не прахторъ.³⁹

Термин *συνείσακτος* переведен в ПНЧ описательно как раба служащи (30.4 — ср. выше). В данном контексте речь идет о распространенном в Византии и на Западе обычае принимать в дом церковнослужителя незамужних женщин для исполнения функций прислуги.⁴⁰ Такие женщины именовались по-гречески *ἡ συνείσακτος*, *ἡ ἐλείσακτος*. ‘вводимая (в дом)’. Подобный тип совместного проживания резко осуждался Церковью, поэтому в дом к церковнослужителю допускались лишь близкие родственницы, не способные возбудить подозрения в чем-либо предосудительном (ср. 3 канон I Вселенского собора и другие церковные каноны). Перевод термина *συνείσακτος* посредством раба служащи следует охарактеризовать как не совсем точный, поскольку исполняющая обязанности прислуги родственница клирика была, скорее всего, свободной женщиной. У славян, очевидно, института прислуги-родственницы не было, поэтому переводчик интерпретировал греческий термин в более привычном для него смысле ‘рабыни-прислуги’.

Кирилло-мефодиевские традиции обобщающего перевода

При обобщающем переводе видовой термин исходного языка передается родовым (обобщенным) термином языка перевода.⁴¹ В ПНЧ отмечены следующие случаи: *συνκλητικός* ‘сенатор’ — властель (307.3); *δήμιος* ‘палач’ — обидьникъ (295.2); *ἐνεχυρίαζω* ‘отдавать в залог’ — приимати (220.3); *μισθόομαι* ‘арендовать’ — притажати (298.8); *ἡγῆτωρ τῆς ἐκκλησίας* ‘глава местной церкви, епископ’ — црькъвьникъ (8.7 — см. ниже); *προικῶν* ‘приданое’ — часть (10.4).

Кирилло-мефодиевские традиции смыслового (контекстного) перевода

Под контекстным (контекстно-семным) переводом понимается перевод термина не в основном его значении, а в том, которое актуализируется данным контекстом (перевод по контекстным семам).⁴² В ПНЧ обнаружались следующие примеры:

греч. *πολιτεία* в значении ‘жизнь’ переведено как жизнь (381.6) или житиѣ (8.3; 12.3; 20.8; 71.4; 133.4; 242.2; 255.4; 278.9; 336.5; 461.12), а в значении ‘город, государство’ — как градъ (354.8); соответственно греч. *πολιτικός* ‘свет-

³⁸ *Slovník jazyka staroslověnského*. Praha, 1958. Т. 1. S. 567; Praha, 1959. Т. 2. S. 256.

³⁹ Подробнее см.: Максимович К. А. Текстологические и языковые критерии... С. 204—205.

⁴⁰ *Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1961—1969. P. 13173—1318.

⁴¹ Примеры обобщающего перевода в кирилло-мефодиевской традиции см.: Максимович К. А. ЗАКОНЪ СОУДЬНЫИ ЛЮДЬМЪ. С. 45.

⁴² О феномене контекстного перевода см.: Там же. С. 45—47.

ский, государственный' переводится как градънъзи, градъскъзи, гражданыскъзи. Термин градъскъзи в значении 'государственный' отмечен также в «Номоканоне Мефодия».⁴³

Греч. οἰκονομέω в значении 'помогать (нищим)' — οὐτῶσθαι (217.3); в значении 'управлять' — обычное в церковнославянской традиции строити (8.2; 339.2).

С передачей греч. κρίμα 'суждение, суд; приговор; преступление', казалось бы, должны были возникнуть проблемы ввиду многозначности этого слова в греческом языке. Семантическая эволюция термина κρίμα в греческом протекала следующим образом: семема 'различение, суждение' (ср. διακρίνω 'разделять, различать') осложнялась и конкретизировалась семемами 'суд, приговор суда' и, наконец, 'предмет суда, преступление'. Все эти значения представлены в оригинале ПНЧ. Однако проблем с переводом практически не возникло: контекстные значения греческого термина корректно передавались в переводе с помощью славянских эквивалентов *расоуждениѣ* (106.4), *грѣхъ* (38.10; 422.9; 440.5), *сѣгрѣшениѣ* (83.7; 365.3), *соудъ* (2.1; 101.4; 102.8; 201.1; 237.2; 322.5; 407.6; 422.11; 453.4), *соудьба* (182.4; 182.6; 234.5; 325.3). Лишь изредка переводчик ошибался в определении того или иного значения — так, в 38.10 и 440.5 греческий термин употреблен в значении 'приговор', а переведен как *грѣхъ*; наоборот, в 453. 4 κρίμα выступает в значении 'грех', но переведено как *соудъ*.

Кирилло-мефодиевские традиции лексического варьирования

Нам уже приходилось обращать внимание на лексическое варьирование в древнейших славянских памятниках, при котором варианты подбираются не по семантическим, а по стилистическим мотивам — в частности, с целью избежать тавтологии. Так, в мефодиевском «Законе судном людем» (ЗСЛ) находим фразу: *Свѣдители слоуха [вар. от слоуха] да не свѣдительствоуютъ*.⁴⁴ В памятнике для обозначения свидетеля на суде обычно используется термин *послоухъ*. Весьма вероятно, что вариант *свѣдѣтель* (*свѣдитель*) был использован в этом контексте вынужденно, поскольку другая возможность (*послоухи отъ слоуха да не послоушьствоуютъ*) выглядела бы тавтологично, не говоря уже о том, что сам термин *послоухъ* вступает в противоречие со смыслом статьи, в которой говорится как раз о недопустимости свидетельствовать об услышанном, но только об увиденном. Отсюда вытекает необходимость в данном контексте термина *свѣдѣтель*, а не *послоухъ*. Аналогично используются оба термина в гл. 2 «Закона судного»: *въ всякоу пѣрю... достонѣ князю и соудии не послоушати безъ свѣдѣтель многъ*.⁴⁵ Во избежание тавтологии (не послоушати безъ послоухъ) использован термин *свѣдѣтель*, в то время как далее употребляется термин *послоухъ*: *аще не притъкнете послоушьхъ 'если не докажете при свидетелях'*.⁴⁶ Все эти данные говорят о том, что *свѣдѣтель* и

⁴³ Slovník jazyka staroslověnského. T. 1. S. 432.

⁴⁴ *Vašica J. Zakonъ sudnyi ljudьmъ*. S. 191.1.

⁴⁵ *Ibid.* S. 178.15—179.2.

⁴⁶ *Ibid.* S. 179.4.

послouchъ под пером автора ЗСЛ были вполне взаимозаменяемы (синонимичны) и могли выполнять стилистические функции.

Идентичный прием использован в западноболгарском (охридском) переводе служебной минеи за май («Путятинa минея»). Здесь встречается выражение *оуcиnа присносжцънa*, в составе которого грецизмом передан философский термин *οὐσία* ‘сущность’⁴⁷ (напомним, что грецизмы в принципе характерны для кирилловских переводов). В свое время Д. Иванова-Мирчева предложила отнести грецизм *оуcиnа* к «охридским» лексемам, а его славянский дублет *сжштъство* — к «преславским».⁴⁸ Однако такое разделение выглядит произвольным, поскольку термин *сжштъство* является типичным для кирилловского «Написания о правой вере»,⁴⁹ а *оуcиnа* там ни разу не встречается. С другой стороны, заимствование *оуcиnа* очень хорошо соответствует современным представлениям о кирилловской технике перевода — к тому же оно содержится в древнейшем славянском «символе веры».⁵⁰ Анализ соответствующего места Путятиной минеи помогает найти разгадку этого противоречия. А именно, в сочетании *оуcиnа присносжцънa* замена *оуcиnа* на *сжцъство* дала бы тавтологичное *сжцъство присносжцънo*, что никак не соответствовало бы изысканной стилистике гимнографического жанра. Поэтому в данном месте кирилловское *сжцъство* по необходимости было заменено на кирилловское же *оуcиnа*. Так же поступил переводчик майской минеи в другом месте, где находим выражение *омооуcиnиж* и *присносжцънoу* (Троицу),⁵¹ поскольку вариант *единосжцънoу* и *присносжцънoу* невозможен по стилистическим соображениям.

Мы специально уделили столько внимания этому стилистическому приему, чтобы продемонстрировать мастерство древнейших переводчиков. Конечно, переводчик ПНЧ в целом уступает своим южнославянским предшественникам. Однако и здесь есть замечательные образцы искусства перевода. Так, для передачи греческих терминов, обозначающих ‘письменное правило, предписание’ (*διάταξις*, *θεσμός*, *ῥος*, *τυτικόν*, *τύπος* и др.), в ПНЧ регулярно используется термин *оуставъ*. Единственный раз для передачи греч. *ῥος* использован на первый взгляд неподходящий эквивалент *объчачи* (461.4). Однако на поверку данное переводческое решение продиктовано именно стилистическими соображениями. А именно, в сочетании *паче оуставленаго объчача* (греч. *παρὰ διατετυπωμένον ῥον* ‘вопреки установленному правилу’) переводчик уже использовал один раз основу *оустав-* для передачи греч. *διατετυπωμένον* и не мог допустить тавтологии *паче оуставленаго оустава*. Подобный стилистический прием (а иначе объяснить этот случай невозможно) роднит ПНЧ с лучшими образцами переводов, вышедших из лона мефодиевской школы.

⁴⁷ Щеголева Л. Путятинa Минея (XI в.) в кругe текстов и истолкования. 1—10 мая. М., 2001. С. 53.

⁴⁸ Иванова-Мирчева Д. К вопросу о характеристике болгарских переводческих школ от IX—X до XIV в. // *Palaeobulgarica*. 1977. N 1. С. 44.

⁴⁹ Верещагин Е. М. Кириллово «Написание о правой вере» // Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. М., 2001. С. 17—42 (строки 16, 34, 46, 50, 85, 92, 204, 248, 277, 295, 315).

⁵⁰ Maksimović K. Aufbau und Quellen des altrussischen Ustjger Nomokanons // *Fontes Minores*. Frankfurt a./M., 1998. Bd 10 (= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte / Hrsg. D. Simon. Bd. 22). S. 492.

⁵¹ Щеголева Л. Путятинa Минея (XI в.)... С. 55.

Объединение разных традиций

При передаче сложных греческих терминов русский переводчик ПНЧ нередко грешил автоматизмом перевода. Так, например, глагол ἐκδικέω, имеющий в греческом языке два значения: 'мстить, наказывать' и 'защищать, отстаивать' последовательно переводится в ПНЧ производными от основы мьст-, т. е. в основном, «карательном», значении, хотя контексты актуализируют как раз второе, «защитительное», значение. В данном случае переводчик опирался на древнейшую церковнославянскую традицию перевода греч. ἐκδικέω 'наказывать' посредством слав. мьстити, мьщати.⁵² С другой стороны, при переводе не было учтено контекстное значение термина, дающее адекватный смысл. Тем не менее по крайней мере в одном месте переводчик не был удовлетворен традиционным эквивалентом мьстити. Видимо, понимая, что этот термин не годится для передачи идеи защиты, он использовал описательный перевод: не дати въз обидоу, нъ отъмьщати (216.3), где сочетание не дати въз обидоу верно передает смысл оригинала. Однако давление традиции оказалось достаточно сильным, чтобы неточный термин отъмьщати также нашел свое место в переводе.

На данном примере хорошо виден компромиссный характер использованной в ПНЧ переводческой техники, которая характеризуется двумя противоречивыми тенденциями: с одной стороны, переводчик ориентируется на предшествующую церковнославянскую традицию (точнее, на свое понимание этой традиции), а с другой — постоянно вынужден принимать нетрадиционные переводческие решения для адекватной передачи смысла оригинала.

Экспериментальный перевод

Разрыв с традициями и тем самым экспериментальный характер перевода проявляется в многочисленных гапаксах ПНЧ.

Так, греч. ἐπαρχία 'провинция' переводится сочетанием власть възъшьняиа (141.3). В «Номоканоне Мефодия» основным эквивалентом для греч. ἐπαρχία служит термин «власть».⁵³ В Ефремовской кормчей в противоположность «Номоканону Мефодия» основным эквивалентом для ἐπαρχία служит грецизм «епархия», в начале памятника также «власть». Термин ПНЧ «власть» встретился в Ефремовской кормчей только однажды.⁵⁴ Таким образом, ПНЧ и здесь демонстрируют разрыв с традицией раннеславянских юридических переводов.

Греч. ἡγήτωρ τῆς ἐκκλησίας 'глава (местной) церкви, епископ' переведено в ПНЧ как домовьникъ црькъвънъи (290.5). Сам термин домовьникъ означает 'домохозяин' или 'домочадец',⁵⁵ однако допускает и расширительное толкование, благодаря парадигматическим связям с однокоренными терминами,

⁵² Slovník jazyka staroslověnského. T. 2. S. 256.

⁵³ Vašica J. Nomokanon. S. 246.4; 246.14 [J, власть Ust]; 247.24; 265.1; 265.3; 267.1bis; 301.19; с вариантом епархиа (Там же. S. 261.13).

⁵⁴ Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая... С. 170. 9.

⁵⁵ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 310.

например, *домъ* в значении ‘храм, церковь’,⁵⁶ *домовьнзи* ‘относящийся к архиерейскому дому, церкви или монастырю’,⁵⁷ и даже *домъ црькъвьнзи* ‘храм, церковь, монастырь’.⁵⁸ Данное место, относящееся к 19-му канону VII Вселенского собора (Никея, 787 г.), в ПНЧ переведено дважды — в другом случае сочетание ἡγήτωρ τῆς ἐκκλησίας передано просто как *црькъвьникъ* (8.7), что также является семантическим гапаксом ПНЧ.

Греч. *δήμιος* ‘палач’ переведено как *моччли* на *соудници* (1.8), варианты: *овидьникъ* (295.2), *коудерма* (дважды в ПНЧ).⁵⁹ Остается неясным, почему переводчик в двух случаях отказался от регулярного использования эквивалента *коудерма* и прибегнул сначала к описательному (*моччли* на *соудници*), а потом к обобщающему переводу (*овидьникъ*).

Перевод греч. *μαλακία* ‘рукоблудие’ как *роукокозгръшении* (172.5), *страсть и сласть* (424.2) также можно считать экспериментальным (особенно во втором случае).

Эквивалентом для греч. *ἐνθεσμος* ‘законный’ служит слав. *подовьнзи* (63.4), для *ἄθεσμος* ‘незаконный’ — *неподовьнзи* (155.4; 176.4; 178.2). Эти термины не имеют аналогов в древнейшей книжности. Использование для передачи данных значений основы (*po*)*dob-* представляет собой инновационный переводческий прием, имеющий глубокие семантические основания. Дело в том, что производные от корня *dob-* очень рано эволюционировали от семантики ‘соответствия чему-л.’, ‘сходства с чем-л.’ к семантике ‘соответствия моральным нормам’ (ср. *подова*, *подовати*).⁶⁰ Термин *подовьнзи* в классической древнерусской книжности означает чаще всего ‘должный, надлежащий, достойный’,⁶¹ значение ‘законный’ является семантическим гапаксом ПНЧ.

Своеобразный опыт перевода представляют собой двойные эквиваленты: *συκοφάντης* — *овидьникъ* и *клеветьникъ* (295.1); *ἄδικος* — *овидьливзи* и *неправдьнзи* (374.5); *μαλακία* — *страсть и сласть* (424.2).

Эквивалентом для греч. *παροικία* ‘церковный приход’ в ПНЧ служит абстрактный термин *пръвъзвании* (429.3bis; 429.6). Впрочем, такой перевод, возможно, объясняется отсутствием термина для обозначения прихода в славянском языке. Так, например, в «Номоканоне Мефодия» греч. *παροικία* переводится достаточно абстрактным термином *овласть*,⁶² который обозначал и ‘власть, господство’, и ‘епископия’, и многое другое. В Ефремовской кормчей для греч. *παροικία* находим целых 9 окказиональных эквивалентов (в алфавитном порядке; ссылки даются на издание: *Бе-*

⁵⁶ Там же. С. 307.

⁵⁷ Там же. С. 310.

⁵⁸ Последнее сочетание вполне можно квалифицировать как русизм — оно отмечено только в русских текстах, таких как церковный устав Ярослава (Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)). М., 1990. Т. 3. С. 48) и ярлык татарского хана Тюляка митрополиту Михаилу 1397 г. (Памятники русского права. М., 1955. Т. 3. С. 466).

⁵⁹ Срезневский. Материалы. Т. 1. С. 1357; Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 325.

⁶⁰ Подробнее: *Чернышева М. И.* «По образу и подобию» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 215—220 (216—217).

⁶¹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1990. Т. 16. С. 22—23.

⁶² *Lušica J.* Nomokanon. S. 264.9; 278.13; 289.19.

нешевич В. Н. Древнеславянская кормчая...): мѣсто (65.3); обиталище (22.15; 355.21); обитаниѣ (22.8; 22.23; 262.20; 294.8); обитѣлице (216.20; 216.21); обитѣль (161.3; 216.16; 234.5; 235.22; 235.24; 254.2; 254.3; 254.7; 256.19; 256.21; 260.24; 270.6; 325.11; 348.25; 349.21; 352.2; 355.25; 356.2); область (64.19; 65.5; 68.27; 93.16); пришьльствиѣ (8.17; 16.6); прѣдѣль (120.10); стража (789.7); оудѣль (120.29). При этом наиболее частым эквивалентом для *παροικία* в Ефремовской кормчей является термин *обитѣль*, а термин ПНЧ *прѣбываниѣ* там ни разу не встречается.

Славянские кальки *сзсодохранитель* (вар. *соддо-*) и *сзсодохранильникъ*, передающие греч. *σκευοφύλαξ* 'хранитель церковной утвари, ризничий', встретились в этом значении только в ПНЧ (219.7; 468.10), в других памятниках употребительны также в значении 'ризница, помещение для церковной утвари'.⁶³

Абсолютными гапаксами славянской письменности являются русизмы ПНЧ *хорошаниѣ* (вар. *хорошениѣ*) 'горделивость, заносчивость' (гл. 4) в соответствии с греч. *θάρσος* 'дерзость'⁶⁴ и *хорошавъзи* (гл. 36).⁶⁵ Сюда же можно отнести упомянутый выше термин *посадыникъ* для передачи греч. *ἔκδικος*.

Данный ряд специфических или уникальных переводческих решений в древнерусских ПНЧ можно продолжать почти бесконечно. Однако и на этих примерах видно, что при передаче греческих терминов русский переводчик не всегда следовал предшествующей традиции славянских юридических переводов. Вместо этого он либо калькировал структуру греческих лексем, либо самостоятельно подыскивал смысловые эквиваленты.

В заключение подведем итоги нашего (весьма предварительного) исследования переводческой техники ПНЧ.

1. Язык первого (древнерусского) перевода ПНЧ демонстрирует некоторое количество лексических гречизмов, а также многочисленные случаи описательного, адаптирующего, обобщающего и контекстно-смыслового перевода, т. е. следование принципу ясности. Кроме того, в редких случаях переводчик прибегал к лексическому варьированию в стилистических целях (избегание тавтологии). Эти черты ПНЧ восходят к переводческим принципам, возникшим в рамках древнейшей (моравской) переводческой традиции.

2. Нередкое использование словообразовательных и семантических калек, а также иноязычные вкрапления (отклонение от принципа ясности) сближают ПНЧ с более поздней, болгаро-преславской традицией.

3. Переводчик ПНЧ, как и восточнославянские переводчики других текстов, обнаруживает неплохое знание византийских реалий и греческого языка. Хорошее владение языком благотворно отражается на технике перевода, которая хоть и не избегает калькирования структуры греческих лексем, однако в основном ориентирована на поиск в славянском языке или конструирование адекватных смысловых эквивалентов.

⁶³ Срезневский. Материалы. Т. 3. С. 833.

⁶⁴ Ср.: *Максимович К. А.* «Пандекты» Никона Черногорца в древнерусском переводе XIV века. С. 47.

⁶⁵ Срезневский. Материалы. Т. 3. С. 1388; ср.: *Максимович К. А.* Текстологические и языковые критерии... С. 213.

4. В некоторых случаях (например, в рассмотренном выше случае с переводом греч. ἑκδικέω) переводчик испытывал давление преславской традиции, что скорее негативно отражалось на качестве перевода. Тем не менее большое число лексических и семантических гапаксов в тексте ПНЧ доказывает, что переводчик нередко порывал с традицией — либо по причине отсутствия таковой, либо вследствие неудовлетворенности ею.

5. Многочисленные примеры экспериментального перевода даже в тех случаях, когда церковнославянская традиция имела место, могут указывать на провинциальный монашеский центр как место перевода ПНЧ и тем самым косвенно подтверждают нашу старую гипотезу о создании первого славянского перевода ПНЧ в русском монастыре на Афоне.